

*«Дана нам красота невиданная
И богатство неслыханное.*

Это — Россия.

Но глупые дети всё растратили.

Это Русские», — писал В.В. Розанов в прошлом веке.

Обидным упрёком звучат слова философа. Если Оренбуржье — часть России, его богатство тоже растрачено? И неужто нет надежды на спасение? Способны ли русские, вопреки Розанову, сохранять и приумножать вековые ценности? Что для этого более важно — принуждение или зов крови, души и Отечества? Разные вопросы возникают при попытке осмыслить розановские строчки. Привычен образ необъятного края — пространства области — богатство недр, лучистые воды озёр, ажур лугов, трепет ольховых и осиновых роц, удивительные древние рудники в Губерлинских горах, «гейзеры» в Домбаровской степи, кручи по берегам рек. У нас есть всё, чем богата Россия. Своеобразие

и энциклопедичность Оренбуржья интересны были всегда. Не случайно несколько лет назад москвичи задумали открыть в Оренбуржье ряд туристических маршрутов для иностранцев. Жители цивилизованной Германии могли бы, например, в восточном Оренбуржье прикоснуться к первозданной степи и, возможно, услышать посвист сурка и песнь жаворонка. Европейцы готовы платить деньги за экзотику. Проект не сбылся...

Местные жители относятся к памятникам природы спокойнее, сдержанней — то ли глаз неймёт, то ли вкус не развит. А скорее всего, большое видится на расстоянии. Для нас окружающий рельеф, флора и фауна привычны — степной перелесок или заводь на изгибе реки порой не удивляют, чаще озадачивают. Технологичные перемены, проблемы бесконечного освоения природной стихии отвлекают от её красот, закливают человека на производстве, так сказать, на рациональном использовании природных ресурсов. Давний «Осенний марафон» Эльдара Рязанова всё ещё не достиг финиша: мы бежим от себя, от разумного единения с этими самыми природными ресурсами, мы перестаём ощущать себя живой природой. Люди давно не собрались по планете с одуванчиками и кузнечиками, они — потребители и даже агрессоры. Хотели дружить с природой, как Мичурин, а «дружим» порой по

Трофиму Лысенко. Можно скептически относиться к фантазиям Владимира Мегре и его «звонящим кедром», но верно он подметил, что ещё вкусив запретный плод в раю, Адам и Ева радовались любезности змея, однако забыли поблагодарить яблоню, которая родила для них яблоко. Она вроде бы обязана кормить, доставлять нам удовольствия. Если верить догматам о сотворении мира, то человек несколько не изменился со времён прародителей. Всё так же некогда посмотреть на журавлиный клин в небе, а подняв взор, всё реже удивляемся. Спешим растратить богатства, увы, спешим. Отчасти, В.В. Розанов прав — люди похожи на глупых детей. Однако не только русские таковы. Беспомощность природы перед нами — глобальная проблема. Правда, и мы сами часто беспомощны в своём «беличьем колесе» забот.

Оторвись от дел, человек, посмотри ввысь — птицы летят из тёплых краёв! Как-то весенним днём в небе над селом «забуксовали» лебеди. Верховой норд-ост тормозил их полёт, и птицы, бессильные справиться с воздушным потоком, на время будто замерли на месте. На улице люди наблюдали за стаей лебедей и удивлялись, сочувствовали птицам; жалели, что ружьём их в выси не достать; восхищались настойчивостью и размахом крыльев. Какие птицы в небе все грациозно-красивые!

Какие мы, люди, разные. «Чому я не сокіл?»...

Взлететь, увы, дано не всем. Рассудок спрашивает: «Зачем в небеса — чтобы ощутить свободу, улететь от проблем, или экстрима хочется»? Людям свойственно мечтать, даже когда пугают, «мол, тучи над строною», оптимисты говорят: «Да это просто небо в облаках», — уходит от проблем С.Трофимов в одной из песен. Можно и по земле ходить, а повстречаешь интересно человека, и мир тоже станет светлее. Не все мы «вестернизировались», ещё не разучились жить в ладу с собой, по совести, по-русски, и мечтать ещё умеем, и культура сберегается. В своём предвидении В.В. Розанов явно ошибался.

Кто связан с землёй трудом и душой, обычно красив. Людьями славится наш край, и тут, как и в природе, нет предела восхищению: именно люди — главное богатство Оренбуржья! Оно всегда притягивало создателей. Спустя годы, история называла кого-то из них героями, большинство же служат своему делу не ради наград и званий, у каждого своя необыкновенность. Хватит ли времени прочесть полную книгу их биографий, ведь многие из них ещё не записаны?

Волей судьбы и институтского распределения я оказалась много лет назад в Адамовке. Волей профкома предприятия, где работал мой муж, поселилась в доме, где живу. От дома до школы

пролегла «муравьиная» тропа «туда-сюда» за долгие годы: уроки, звонки, тетрадки и к концу учебной четверти ощущение, «что утро добрым не бывает». Всё это называется усталостью и звучит уныло. А ведь многого так и не знаю о селе и его жителях. Например, почти тридцать лет я ходила улицей мимо заросшего вишнями дома, что стоит почти по соседству, и не видела его обитателей. Иногда хотелось узнать, кто же в том доме живёт, но желание терялось в суете. Между тем, домик целинной поры с прозрачной от ветхости калиткой радовал по весне улицу кружевом цветущих вишен. В июле их ветви доставали до земли под грузом спелых ягод, и тогда у забора вились ребятишки.

Посреди двора на лужайке росла красивая берёза. Летом её тень не давала подняться цветам. Много лет не было повода остановиться, приглядеться. Между тем, знакомство с хозяйкой «вишнёвой» усадьбы было предопределено и наконец однажды состоялось.

Много лет назад жили в Адамовке Косаревы Пётр Петрович и Надежда Дмитриевна. Она работала с 1935 года учительницей биологии в школе, а супруг служил агрономом. Сохранилась легенда об этой несколько странной семье: то ли они состояли в родстве со Львом Толстым, то ли Надежда Дмитриевна училась в Яснополянской школе.

Потихоньку исследуя её биографию, юные краеведы добрались до истории демидовских заводов на Урале, до архивов Перми, Н.Тагила и Горнозаводска. А из Ясной Поляны в 2004 году приезжал к нам сотрудник музея Л.Н. Толстого в надежде заполучить имя ещё одной наследницы писателя. Об этом «историческом детективе», как его назвал И.А. Бехтерев, была публикация в альманахе «Гостиный Двор» № 18. История «барышни-графини» потихоньку раскрылась, но не забылась. К 2004 году о судьбе «внучатой племянницы» Льва Толстого мы расспросили, кажется, всех старожилых села. И вдруг оказалось, что по соседству со мной, в вишнёвом саду живёт настоящая землячка Л.Н. Толстого. Вот ведь как бывает! Узнала я об этом случайно, а готовиться к знакомству пришлось несколько дней: и вопросы продумать, и волнение унять. Наверное, такие чувства переживает каждый на пороге очевидного открытия. Условились о встрече, и вот я отправилась в гости.

Калитка подалась легко. Она, еле висящая, видимо, была равнодушна к входящим. У берёзы сворачиваю к дому и вижу давно некрашенное крыльцо, массивную дверь. Меня окликнули из глубины двора, там, прямо посреди земляничной грядки, стояла старушка. Она пыталась дёргать траву, а теперь распрямилась и оперлась на палку. Очки с

толстыми стёклами увеличивали лукавые глаза. Тут мы и познакомились. Звали хозяйку дома Зоя Степановна Уткина. Возраст у неё был почтенный — далеко за 80 лет, но старушка оказалась доброжелательной собеседницей. Выяснилось, что в «вишнёвом» доме она живёт уже более сорока лет. На мои расспросы о семье Косаревых Зоя Степановна, к сожалению, ничего не смогла сказать, она их не знала. Сюжет от «барышни-графини» метнулся в сторону «барышни-крестьянки», родом всё из той же Ясной Поляны.

На «графских развалинах» истории Косаревых смешались судьбы заезжих агрономов. Н.Д. Косарева окончила ещё до революции Стебутовские агрономические курсы в Петербурге, преподавала в Адамовке ребяткам биологию, почти 50 лет прожила в нашем селе и умерла в 1966 году. Девичья фамилия её была Толстова, а не Толстая, и к писателю-классику отношения она не имела, если не считать поклонения таланту.

В 1967 году в Адамовку приехал с семьёй молодой агроном Дмитрий Иванович Уткин. Его жена Зоя Степановна помогала земледельцам, т.к. была агрометеорологом. Вот она родом действительно из Тульской области, из д. Кривцово, что рядом с Ясной Полянкой. Молодой агроном наверняка рассказывал жене, что оренбургская земля «вся в наряде цветном», а ей долго снились

тульские луга и поля. И Косаревы, и Уткины — приезжие люди в Адамовке, и те, и другие заботились о высоких урожаях хлебов, умножали богатства края. Кроме того, это люди высокой культуры, представители двух поколений интеллигенции — российской и советской. Свои духовные ценности они не растратили в переездах и перипетиях, словно эстафетную палочку, невольно передали друг другу.

Зоя Степановна родилась в крестьянской семье в 1926 году, но о Льве Николаевиче Толстом она рассказывала, как о родном и близком человеке. Никого из семейства Толстых она не застала в графском поместье к тому моменту, как подросла. В 1921 году А.Л. Толстая, дочь писателя, открыла в Ясной Поляне культурно-просветительский центр, школу, аптеку, больницу. В 1928 году она организовала в усадьбе празднование 100-летнего юбилея Льва Николаевича. А весной 1929 года Александра Львовна покинула Россию навсегда. Этого не знала малышка Зоя Чуморина, жившая неподалёку. Дети окрестных деревень учились в начальной школе в усадьбе Черткова в Телятинках, а в 6-7-х классах уже в Яснополянской школе. Учительница часто водила детей в графский дом: вот рабочий кабинет

Молодая семья Уткиных. 1953 год.

писателя, вот гостиная. Детям разрешали свободно ходить по комнатам, любопытно крестьянской детворе было знать, где Лев Николаевич чай пил, где были его охотничьи принадлежности. Литературное наследие писателя их тогда мало интересовало, занимала бытовая обстановка. В тишине аллея парка дети не раз стояли у могилы писателя — там, где он искал когда-то «зелёную палочку». Это позднее Зоя Степановна перечтёт книги писателя Толстого, будет узнавать в них описание родных мест. Ученица Зоя Чуморина впитывала воздух Ясной Поляны, её запахи, её графский дух, не видя хозяев усадьбы, ощущала их присутствие в вещах, самих стенах, в общении окружающих — потомков барских крестьян. Деревень в округе много. Все они типично российские — маленькие, в один порядок, в 3-4 км друг от друга.

В своё время Л. Н. Толстой округу пешком исходил, знал и людей, и луга, и леса. Зоя Степановна вспоминала, что соседи у них были сплошь Масловы, Соловьёвы, Воробьёвы, Ростовы, Ильины, Никитины. Для своих героев писатель занимал имена из ближних деревень. Здесь рождались писательские замыслы и сюжеты.

Не мог предугадать Лев Толстой, что случится вселенская беда, какой не видели, — в 1941 году в Ясную Поляну придёт война. Уже осенью бомбили враги Киевский тракт, Тульская область оказалась на пути немцев к Москве, а 28 октября 1941 года они вошли и в деревню Кривцово, и в Ясную Поляну. «В деревне было всего 12 дворов, — вспоминала Зоя Степановна, — из каждой хаты ушёл на фронт отец или сын». Её отца, Степана Чуморина, также мобилизовали в начале войны, ему было уже за 40 лет, служил он в трудармии. Рыл окопы под Ленинградом, строил укрепления, хлебнул, как позднее узнали, блокадного лиха. Его родные оказались в оккупации. Женщины и дети переживали её, как могли. В каждой хате деревни расположились на постой фашисты. У Чумориных жили офицеры. Мать Зои готовила пищу немцам. Бывало, озорничала — подавала им из печи недокипяченный чай. Каждое утро немцы уезжали на машинах к Туле, там шли упорные бои. Даже дети

понимали, что если вечером немцы вернулись, значит, сегодня Тулу не взяли. Так продолжалось почти месяц: уезжали, возвращались, отдыхали, требовали чаю. Иногда постояльцы показывали хозяйке фотографии своих семей. Тулу взять враги так и не смогли. На Москву пошли они по Калужской дороге.

В усадьбе Л. Толстого фашисты тоже хозяйничали. В воспоминаниях И.И. Минца, председателя специальной комиссии Академии наук, выезжавшей в Ясную Поляну уже после её освобождения, описан эпизод: «Возле учительницы Яснополянской школы, которая держала на руках грудного ребёнка, остановились два германских офицера. Не подозревая, что учительница знает немецкий язык, один из офицеров, указывая на младенца, самодовольно сказал: «Вот этот уже ни слова не будет знать по-русски. Только разве старики и будут помнить русский язык, а всех остальных мы заставим говорить по-немецки»... («Венок славы», М, Современник, 1987 г, т.2, стр. 80-81).

Знание немецкого языка достоинством, однако, не считалось. У Чумориных по соседству жил Илья Матвеевич, который во время «Первой германской» войны попал в плен к немцам. Шесть лет он провёл у них в работниках в Германии, выучил немецкий язык. Теперь, осенью 1941 года, он был назначен оккупантами старостой в деревне.

Илья Матвеевич за месяц, пока были в деревне фашисты, никому не причинил вреда, но после наступления советских войск его арестовали. Домой он уже не вернулся.

Однажды через деревню вели пленных немцев. Дочь Ильи Матвеевича кинулась на них с криком и кулаками. Её от них еле оттащили односельчане. Девушка не простила врагам гибели отца.

Воспоминания Зои Степановны о войне отрывочны, это ощущения подростка. Когда советские войска заняли Ясную Поляну и окрестные деревни, между боями наши бойцы тоже квартировали у сельчан. У Чумориных остановились два связиста, два Виктора. Дети слышали разговоры о больших потерях на фронте. Ждали вестей от отца. Он вернулся после ранения и болезни в августе 1944 года. «Мы стали такие богатые тогда, ведь отец привёз подарки, — улыбалась Зоя Степановна, — братишке отец припас даже солдатское бельё». Фронт откатился на запад. Измождённые деревни залечивали раны.

Любопытный случай описал С.М. Толстой, внук писателя. Позволю себе привести его фрагмент: «Через несколько лет после войны я встретил командира полка, который оккупировал Ясную Поляну... Во время обеда, на котором присутствовали видные политические деятели и промышленники из Западной Германии,

один из гостей, граф, имя которого я сейчас не помню, настаивал на знакомстве со мной, чтобы рассказать о своём пребывании в Ясной Поляне с полком, которым он командовал. Он говорил об очаровании нашего имения, о поражении немецкой армии под Тулой, расположенной в пятнадцати километрах от Ясной Поляны, «около двадцати моих бравых soldaten погибли в боях под Тулой», — добавил он с грустью. — Я приказал их похоронить рядом с могилой вашего деда. Знаете, ваше имение очень красиво и поэтично». Я выслушал его молча, всё больше и больше бледнея. «Ваш рассказ мне интересен, но позвольте добавить несколько слов. Известно ли вам, что крестьяне после вашего отступления немедленно перезахоронили тела ваших бравых солдат в общей могиле, так как они оскверняли это место. А другие ваши солдаты, те, которых не убили в сражениях, они перед отступлением подожгли наш дом. Благодаря крестьянам, которых вы не успели повесить во время оккупации, пожар был потушен. Прощайте, надеюсь, мы с вами больше не увидимся». (По данным комиссии АН СССР в январе 1942 года было перезахоронено в воронках из-под бомб 83 трупа немецких солдат). (С.М. Толстой «Дети Толстого». Тула, Приокское книжное издательство, 1994 г. стр. 42).

После войны усадьба Л.Н. Толстого быстро восстанавливалась,

вернулись из эвакуации книги писателя, наиболее ценные реликвии музея.

В Тульской области, по рассказу З. С. Уткиной, ещё долгое время была нищета, как, впрочем, и по всей России. В большинстве деревень крыши домов оставались под соломой, слежавшейся настолько, что по ней трава росла. В Ясной Поляне, правда, соломенных крыш уже не было, об этом позаботился ещё Л. Н. Толстой. Восстановили после войны и церковь, рядом с которой похоронены родные писателя, где покоится его сын Ванечка. Уже вскоре там началась служба. Позднее на том же кладбище нашли покой семеро человек из семьи Чумориных. Зоя Степановна с благодарностью говорила о зрителях кладбища, о чистоте и порядке на нём.

В послевоенные годы одноклассницы Зои Степановны собрались в Москву учиться в Тимирязевку. Зоя долго болела, и мать её не пустила в столицу. Девушка поехала в г. Щёкино, где окончила агрометеотехникум. Теперь её профессия была связана с изучением влияния климата на почвы и растения. В начале 1950-х годов она попала по распределению в Курманавский район Чкаловской области. Работа оказалась трудной, но интересной. Техник должен был готовить пробы земли для анализа, замерять почвы, снег,

составлять отчёты. На агрометеостанцию приезжали учёные из Москвы, они-то и делали профессиональный анализ и составляли прогнозы. В 1953 году, после смерти Сталина перемены в стране коснулись и маленькой степной станции — её закрыли. Сотрудники отдела гидрологии, метеорологии, агрометеорологии, синоптики — все остались не у дел. Приехали из Куйбышева специалисты, погрузили оборудование и увезли. Польза от Елшанской агрометеостанции всё-таки была. Она давала рекомендации, какие посевы лучше использовать для степи. Например, ещё тогда было доказано, что поднимать целину глубоко нецелесообразно. С 1935 года в Оренбуржье стали сажать лесополосы. В 1950-х гг. эту работу нужно было проводить активнее.

Здесь, в Елшанке, Зоя Степановна познакомилась с будущим мужем — Уткиным Дмитрием Ивановичем. Они оказались коллегами. Позднее Дмитрий Иванович окончил Оренбургский сельхозинститут и стал агрономом. Молодая семья переехала в Лабызы, в колхоз им. Ленина. Тут они немного учительствовали в школе. В 1967 году агронома Уткина направили на целину в Адамовский район, в совхоз «Заря коммунизма». Зоя Степановна была рада, т.к. она вновь стала работать по специальности. В Адамовке тогда ещё действовала метеостанция. А Дмитрий

Иванович занялся наукой. Вскоре он защитил диссертацию и стал кандидатом сельскохозяйственных наук. О его вкладе в целинный каравай упоминалось в статье А. Климентьева «Чёрной дыры» не было» («Гостиный Двор» №10). Позднее Д.И. Уткин уехал на Украину и преподавал там в одном из вузов. Зоя Степановна могла долго, увлечённо рассказывать о значении повышения плодородия почв, о важности лесонасаждений в степи. Она отнюдь не считала себя первоцелинницей. «Вот и всё, чем она богата, ничего не желая себе», — не о такой ли старушке писал поэт-оренбуржец П. Попов?

Уткины не раз посещали родные места в Тульской области. А ведь могли бы вернуться в родные края, ставшие «Меккой» любителей русской словесности. Зоя Степановна считала теперь уже своим вторым домом Адамовский район, хотя лучшее время, по её мнению, всё равно осталось в детстве и юности, несмотря на лишения и войну.

Ошибался немецкий офицер, считавший в 1941 году, что дети будут впредь говорить лишь на немецком языке. Сын Уткиных Владимир учился на факультете иностранных языков, знает и

немецкий, и французский языки, но предпочитает русскую литературу. У правнука Зои Степановны Жени в любимых книжках — труды по истории Л. Гумилёва. Увлечением самой Зои Степановны также являлись книги. Они помогали справиться с одиночеством и иными проблемами. Крестьянская культура с прививкой яснополянского обаяния позволяла ей не сетовать на жизнь, сохранять оптимизм и мудрость суждений. Уважение к творчеству знаменитого земляка она берегла как наследство.

По весне просыпались почки вишнёвых деревьев у дома Уткиных. Наполняли они запахом улицу, бело-розовой пеленой разлетались с ветерком мимо соседских дворов — «красота невиданная». Виданная, конечно, но желанная была до поры до времени. Вот берёзу посреди двора недавно срубили, а следом

ГСИ. 1971 год. З.С. Уткина стоит в центре.

прошёлся топор по вишням. Других перемен в маленьком «поместье» Зои Степановны не требовалось, душа просила покоя и тихого внимания. А уж мудрость свою хозяйка готова была передавать любому гостю, пришедшему с добрыми намерениями. Оренбурженка или тулянка, что уже не важно — она была лишь одной из скромных интеллигентных хранительниц русской культуры. Зоя Степановна приехала в оренбургскую степь, чтобы делать её краше. А работы тут всегда было много. Адамовские поля ещё родят хлеб. Нераспаханные массивы защищаются от вездесущего че-

ловека, весной выбрасывают местами тюльпановые «заплатки» и жёлтые «лоскуты» горицвета. Летом 2015 года опустели маленький домик на ул. Пушкинской и его вишнёвый сад, покинула этот мир и их хозяйка.

Перелётные птицы летят мимо в дальние веси, люди же оседают, однажды выбрав этот край для своих гнездовий. Природа готова жить дальше.

Лишь бы утренники не губили вишнёвый цвет, да не забывали свои корни люди. Жаль, В.В. Розанов не учёл — возрождение возможно, пока память хранит преданья старины глубокой и неприметные семейные истории.